

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Литературная интертекстуальность
как элемент поэтики прозы Е. Водолазкина**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 251 группы
направления подготовки 45.03.01 «Филология» (профиль «Русская
словесность и журналистика»)
Института филологии и журналистики

ПЕТЮКИНОЙ ДАРЬИ СЕРГЕЕВНЫ

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Г.М. Алтынбаева
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
зав. кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2024

Литературная интертекстуальность выступает одним из важнейших элементов поэтики творчества Евгения Водолазкина, что обусловлено спецификой его научного интереса. Писатель занимается исследованием средневековой литературы, одна из особенностей которой, по его собственному утверждению, «ее фрагментарная структура – то, что в трудах историков называют «литературой ножниц и клея»: «В Средневековье не столько сочиняли, сколько компилировали. Новые тексты в значительной степени состояли из фрагментов текстов-предшественников. Не пересказывали другие тексты, давая о них общие представления, а включали их фрагменты. С точки зрения средневекового книжника, текст, описывающий явление, был частью самого явления».

Писатель, будучи специалистом по медиевистике, утверждает, что современные литературные тексты обнаруживают высокую степень сходства со средневековыми, и один из главных критериев их сопоставления – интертекстуальный характер. В эссе «Литература: будущее в прошлом» Водолазкин пишет о том, что современный текст наследует от средневекового центонный характер его организации: «Центонный характер современного текста не подразумевает дословного воспроизведения предшествующих произведений. Эти произведения представлены обычно аллюзиями, цитатами, пересказом и т.д.».

Проза Водолазкина изобилует интертекстуальными вкраплениями, причем временной диапазон заимствований из текстов-предшественников очень широк.

В ходе ознакомления с работами, посвященными поиску и анализу литературных интертекстуальных связей в творчестве Е. Водолазкина, мы обратили внимание, что наибольшее количество работ посвящено интертекстуальному потенциалу романа «Лавр», удостоенного премии «Большая книга». В основу исследования легли труды Н. В. Калининой,

посвященные интертекстуальному анализу романа «Лавр», и работа О. А. Нехлюдовой ««Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина "Лавр"»».

Исследователи прозы Водолазкина сходятся в том, что роман «Лавр» пронизан цитатами, реминисценциями и аллюзиями, что позволяет предположить, что данные формы литературной интертекстуальности выступают в качестве наиболее частотных форм в рамках творчества Е. Водолазкина.

Методология нашего исследования включает интертекстуальный метод.

Объект исследования – романы Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», «Брисбен» и «Чагин».

Предмет исследования – это поиск и анализ литературных интертекстуальных связей с текстами-предшественниками, их роль как для реализации авторского замысла в конкретных романах, так и во всей поэтике прозы Водолазкина.

Целью нашего исследования является рассмотрение творчества Е. Водолазкина с точки зрения присутствия в его текстах литературных интертекстуальных связей и тех функций, которые они выполняют.

В аналитической части нашего исследования мы представим феномен интертекстуальности в отдельных романах писателя и составим целостную картину об интертекстуальности как одном из главных элементов поэтики прозы Водолазкина.

Актуальность нашего исследования определяется, во-первых, востребованностью интертекстуального метода в современном литературоведении; во-вторых, малой изученностью интертекстуальности как приема в творчестве Водолазкина и отсутствием цельного исследования интертекста и его функционирования в поэтике писателя.

Исследовательские **задачи**, которые стоят перед нами в работе:

- рассмотреть понятия интертекстуальность и интертекст с опорой на теоретические исследования литературоведов и лингвистов, изучить поэтику интертекстуальности, выделить ее типы и функции, которые она выполняет в художественном тексте;

- обнаружить все литературные интертекстуальные связи, включенные Водолазкиным в романы и путем интертекстуального анализа понять, какие функции они выполняют в конкретных романах и каково значение интертекстуальности как приема в поэтике прозы писателя.

Цель и задачи определили **структуру** выпускной работы: введение, одна глава, заключение, список использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Результаты проведенного исследования представлены в аналитической главе **«Формы литературной интертекстуальности в творчестве Е. Водолазкина»**.

В одном из интервью Е. Водолазкин говорит, что все его творчество сосредоточено вокруг трех философских категорий – времени, истории и памяти, причем они осмысляются с точки зрения отношения к ним средневекового человека: «До времени была вечность и после времени будет вечность. Время – это только островок вечности. И на этом островке происходят разные странности вроде эффекта платформы и поезда. Мы проезжаем мимо разных платформ, а они себе стоят, и единственное, что их связывает, – это колея, по которой мы едем». Для Водолазкина с понятием времени тесно связано понятие истории. Писатель утверждает, что история – не просто цепь причинно-следственных связей, какой она фиксируется в сознании современного человека: вслед за Ю.М. Лотманом, Водолазкин говорит, есть две истории – всеобщая и личная – причем личная история представляется как самая важная: «Сейчас же я всё больше

склоняюсь к мысли, что история – это не более чем сцена, которая предоставляется каждому для его неповторимой роли. Костюмы, декорации – всё это выдается каждой конкретной эпохой и от человека не зависит, как не зависит от него и игра других актеров. Единственное, за что человек отвечает, – это его собственные действия, и вот здесь-то следует проявлять предельную сосредоточенность. Иными словами: история всеобщая есть лишь фон для истории личной. Личная история для человека как индивидуальности – самая важная. Да, мой пятнадцатый век порой не очень-то отличим от века двадцать первого, но это говорит не о сходстве эпох, а о сходстве людей».

Я. Солдаткина утверждает, что аллюзивность представляет собой «конструктивный элемент романного текста у Водолазкина, причем не только средневекового по основному хронотопу романа *Лавр*, но и более приближенного к современности романа *Авиатор*, поскольку значим сам принцип взаимопроникновения текстов, аналогичный историософской концепции писателя о со- и взаимопроникновении времен, различных эпох».

Ознакомившись с романами Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», «Брисбен» и «Чагин», мы обнаружили и выявили несколько форм литературной интертекстуальности, среди которых наиболее частотными оказались типы, определенные Н. Фатеевой как интертекстуальные конструкции, образующие «текст в тексте», и паратекстуальные элементы, которые расширяют семантическое пространство романа, взрывая линейность его прочтения. Наиболее частотными в творчестве писателя оказываются аллюзии, реминисценции, эпиграфы и цитаты (атрибутированные и неатрибутированные).

В п. 1.1 «Мистификация времени» проанализировано интертекстуальное наполнение романа Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов». Водолазкин использует специфическую интертекстуальную

стратегию, где одновременно с литературными интертекстами сочетаются гипертекстуальные включения и то, что П. Тороп назвал интертекстом-фикцией.

Подобные литературные мистификации создают пародийный эффект, разоблачая тем самым героев-историков романа (Кваша, Байкалова, Тарабукин), чьи выводы зачастую абсурдны и беспочвенны. Однако подобный нарративный ход позволяет писателю вывести проблематику романа на философский уровень: иронизируя над попыткой механического осмысления биографии генерала на фоне исторических событий, Водолазкин подводит читателя к идее о том, что всеобщая история становится лишь фоном для истории частной, индивидуальной: «...смех – полезное занятие, помогающее, по выражению Бахтина, занять позицию "внеаходимости"».

Помимо гипертекстуальных мистификационных включений, выполняющих пародийную функцию, в тексте романа присутствуют и интертексты, выполняющие характерологическую функцию. Упоминание круга чтения героев – широко используемый Водолазкиным гипертекстуальный ход. Неоднократно находим в романе места с перечислением списка книг, прочитанных героями. Например, генерал Ларионов во время учебы читает «Полтаву» А. С. Пушкина, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя, «Бородино» М. Ю. Лермонтова. Кроме того, генерал после выхода на пенсию любил спорить с соседом о нравственной проблематике «Мертвых душ». Все эти тексты относятся к историческому дискурсу, где в основе художественного конфликта лежит размышление о ходе истории и о дальнейшем ее развитии. Кроме того, нарратор открывает читателю книги, которые читает и Соловьев, причем акцент делается именно на детстве героя. Ключевым произведением для Соловьева оказывается «Робинзон Крузо». В романе «Соловьев и Ларионов» образ Робинзона становится важной частью рефлексии Соловьева и олицетворением его собственного пути – через

изучение судьбы генерала герой обретает путь к себе самому и возвращается на родной 715-й километр, где находит ответы на все волнующие его вопросы.

Смыслообразующим звеном в романе становится мотив железной дороги, который отсылает к мотиву «скрещения судеб», доминирующему в повествовательной структуре романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Упоминание Пастернака в тексте присутствует и на аллюзивном уровне. Встречается оно в последней главе романа: «На пороге комнаты, прислонясь к дверному косяку, Соловьев остановился». Сразу вспоминается стихотворение поэта «Гамлет», открывающее цикл стихотворений Юрия Живаго. Благодаря стихотворению в текст включается несколько хронотопов, среди которых есть хронотоп порога, ознаменовывающий кризис и жизненный перелом, и хронотоп театра. Таким образом, в романе организовывается параллель между Гамлетом, оказавшимся перед «тысячей биноклей на оси», и Соловьевым, читающим свой доклад участникам конференции.

Интертекстуальная стратегия в романе имеет сюжетобразующее значение: за счет включения аллюзий и прецедентных имен Водолазкину удается преодолеть разрыв времени и вывести проблематику романа на философский уровень. Кроме того, интертексты становятся способами выражения авторской позиции, что просматривается на примере гипертекстуальных включений.

Параграф **1.2 «Ключ к памяти»** посвящен анализу интертекстуального пласта романа «Авиатор». Литературные интертекстуальные связи в романе Е. Водолазкина «Авиатор» выполняют смыслообразующую и характерологическую функции. Водолазкин обращается к прецедентным феноменам литературы, тем самым выводя проблематику романа в категорию вечных ценностей, существующих вне времени и актуальных для любой эпохи.

Смыслообразующую роль в романе играет стихотворение А. Блока, сюжет которого проецируется на жизнь главного героя. В этом аспекте оказывается значимым и робинзоновский интертекст, усиливающий трагизм оторванности Платонова от времени. Мотив одиночества и оторванности героя от окружающего мира реализуется через интертекстуальную параллель с Робинзоном Крузо. Платонов на протяжении всего романа возвращается к образу персонажа Дефо. Образ Робинзона оказывается тесно связан с одной из главных тем романа – темой покаяния. Образ Робинзона закольцовывает повествование: первое воспоминание Платонова относится к эпизоду чтения бабушкой романа Дефо, и это же воспоминание становится последней мыслью героя, которой оканчивается не только повествование романа, но и, вероятно, его жизнь.

В п. 1.3 «Символизация мечтаний» проанализированы интертекстуальные связи романа «Брисбен» с образцами мировой литературы. Благодаря введению интертекстуальных включений в пространство романа Водолазкину удастся расширить ключевую для его творчества концепцию о «единстве времени». Кроме того, интертексты выполняют сюжетомоделирующую функцию: как эпитафия Дж. Кука, так и чеховский текст позволяют раскрыть трагедию разрыва мечты и суровой действительности.

Не менее важна и характерологическая функция включенных в семантическое пространство романа интертекстов: благодаря включению образа Робинзона Крузо характер главного героя становится более глубоким и драматичным. Крушение корабля разделяет жизнь Робинзона на *до* и *после*, и болезнь Паркинсона делает то же самое с жизнью Глеба Яновского, и им обоим по памяти приходится восстанавливать ход жизни. Здесь реализуется мотив духовного путешествия: герой в мельчайших подробностях реконструирует свое прошлое, чтобы обрести настоящее.

Роман Водолазкина строится как конструкция «текст в тексте», где представлены два повествователя – сам Яновский, ведущий дневник в реальном времени, и Нестор, создающий жизнеописание героя. Оба нарративных потока строятся по принципу абстрагирования, который, по замечанию Д. С. Лихачева, был характерен для древнерусского текста.

Важно отметить, что одним из главных элементов поэтики древнерусского текста выступает литературный этикет, задававший тексту стилистические рамки: в зависимости от цели и идеи книжника изменялся и язык, который был представлен в двух разновидностях – церковнославянский и древнерусский. Водолазкин в своем романе использует подобную тактику, однако природа такого переключения не стилистическая: писатель переключается между русским и украинским языком, причем украинский звучит там, где необходимо «генерализующее, подводящее итог, расставляющее окончательные акценты слово». Показательно в этом отношении цитирование «Фауста» на украинском языке: оно может быть интерпретировано одновременно как метаязыковая и метатекстовая рефлексия героя, предметом которой выступает его собственная жизнь.

В заключительном п. **1.4 «Форма восприятия себя и мира»** рассмотрен интертекстуальный диапазон крайнего романа Е. Водолазкина «Чагин». Интертекстуальная стратегия Водолазкина в романе «Чагин» выстроена вокруг ключевых категорий творчества писателя. Важным оказывается мотив духовного странствия, который реализуется в романе за счет включения архетипической фигуры Одиссея, соответственно включение гомеровского кода выполняет в романе одновременно сюжетообразующую и характерологическую функции. Архетип Одиссея тесно связан с мотивом странствия, причем границы этого странствия выходят за рамки географических. Целью его странствий является возвращение домой, что метафорически осмысливается как возвращение к себе самому. Мотив возвращения к себе выступает как доминанта жизненного

пути Исидора Чагина. Герой патологически запоминает все, начиная от книг и фотографий и вплоть до выдуманных биографий, что вытесняет его личный опыт, и если у других героев этот мотив реализуется через вспоминание, то у Чагина он раскрывается диаметрально противоположно – через забывание.

По-новому звучит робинзоновский текст, через который раскрывается тема покаяния. Если ранее Водолазкин включает в текст образ Робинзона, то в «Чагине» мы наблюдаем интеграцию в пространство романа его создателя. Фигура Дефо стоит рядом не только с фигурой Шлимана, но и с фигурой самого Чагина: «В жизни обоих реальность часто оказывалась вымыслом». Даниэль Дефо неоднократно был уличен в интригах и доносах, в связи с чем Вера задается вопросом, как он мог создать такую прекрасную вещь, как «Робинзон Крузо». Здесь звучит очень важная мысль, которая станет ключевой для Исидора Чагина, причем произносит ее Вельский – тот, кого Чагин предает, за что испытывает сильнейшие муки совести: «Любое творчество – это своего рода оправдание». «Одиссей» Чагина становится покаянием в грехе предательства. Этой теме оказывается созвучна и дантовская аллюзия.

Немаловажную роль в понимании характера Чагина играет аллюзия на «Человека в футляре» А. П. Чехова. Благодаря введению чеховского интертекста в роман включается мотив «футлярности», однако чагинская «футлярность» существенно отличается от беликовской. Если поведение Беликова мотивируется его собственным страхом действительности, продиктованным его «непомерной чувствительностью», то поведение Чагина объясняется скорее жадой покоя и одиночества. Герой отстраняется от окружающего мира, поскольку глубоко погружен в реконструкцию собственного прошлого, целью которой является не только искупление греха, но и разрешение классического чеховского конфликта между тем, как хотелось прожить, и тем, как жизнь сложилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные отсылки к текстам предшественников – одна из характерных черт прозы Е. Г. Водолазкина. Интертекстуальная стратегия писателя подчинена магистральной теме его творчества – теме времени. Создавая интертекстуальные связи с образцами мировой литературы, Водолазкин не только подчеркивает связь разных исторических эпох, соединяя «цепь времен», но и преодолевает время.

Интертекстуальные включения в текстах Е. Водолазкина выполняют не только функцию расширения семантического пространства текстов писателя, но и выступают связующим звеном между различными историческими эпохами, изображенными писателем, благодаря чему его творчество воспринимается как центонный текст, связанный в единое целое с помощью прецедентных имен и интертекстов. Подтверждает это тот факт, что автор внедряет в свои тексты повторяющиеся образы из различных литературных произведений.

Кроме того, интертекстуальные связи в романах Е. Водолазкина выполняют характерологическую функцию: они помогают передать настроение персонажей и их взгляды, иными словами, сделать их образы более объемными.

Интертекстуальность в рамках поэтики прозы Водолазкина выступает важным способом создания характеров. Процесс рефлексии главных героев всегда сопровождается интертекстуальными включениями, характерная особенность которых заключается в их повторяемости. Так, на материале рассмотренных нами романов писателя, мы обнаружили, что регулярно встречаются робинзоновские реминисценции, выполняющие ряд важных функций: благодаря включению в семантическое пространство романа отсылок к «Робинзону Крузо» писателю удастся сделать рефлексии героев более глубокой, а характеры – более объемными. Эти

реминисценции усиливают чувство одиночества персонажей, каждый из которых оказывается морально оторван от окружающего мира по тем или иным причинам.

Не менее выразительным оказывается чеховский интертекст, который также повторяется из романа в роман. Включение интертекстуальной связи с творчеством А. П. Чехова у Водолазкина многогранно: писатель в каждый роман вводит связь с разными произведениями Чехова за счет реминисценций и аллюзий, которые при этом выполняют одну и ту же функцию. За счет обращения к Чехову в творчество Водолазкина включается классический чеховский конфликт между тем, как хотелось прожить, и тем, как жизнь сложилась.

В ходе анализа мы обнаружили и другие литературные интертекстуальные связи, которые выполняют характерологическую, текстодеформирующую и сюжетообразующую функцию, что позволило нам выделить литературную интертекстуальность как один из ключевых элементов поэтики прозы Е. Водолазкина.